

А. В. Фененко

**«КЛАССИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ФРАНЦУЗСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ XIX ВЕКА**

«Классический национализм» XIX в. традиционно определяется исследователями как некая совокупность основополагающих принципов внешней политики европейских стран после Венского конгресса, базирующихся на двух тенденциях: стремлении сохранить сложившийся к 1815 г. «статус-кво» и доминировании «права силы» — принципа, утверждающего, что только сильная в военном отношении нация может чувствовать себя в безопасности¹. Три основополагающих принципа «классического национализма» — совпадения территории государства с территорией нации, расширения государства до неких «естественных границ» и ведения экспансии с целью приобретения выгодных сырьевых ресурсов — позволяют трактовать весь период «от Вальми до Сараево» как «век национализма», под которым понимается «доктрина, провозглашающая приоритет интересов нации над интересами входящих в ее состав групп, классов и индивидов»². Этот своеобразный «дух века» нашел свое выражение во всех областях общественной жизни, поэтому анализ европейской общественно-политической мысли XIX в. невозможен без изучения внешнеполитических программ того или иного направления политического спектра данной эпохи.

Избежать влияния порожденных национализмом перемен не могло ни одно из политических течений, в том числе и консерватизм, противопоставляющий себя многим радикальным новациям Нового времени. Прежде всего, под влиянием националистических учений изменился французский консерватизм, так как концептуальной основой всех идеологических течений XIX в. стало именно наследие Великой Французской революции: «признание того, что политические перемены есть абсолютно нормальное и ожидаемое явление» и что «носителем государственного (national) суверенитета являются не правители или законодательные органы, но некая общность, именуемая “народ”»³. Поэтому данная статья посвящена анализу внешнеполитических программ французских консерваторов XIX — начала XX в., — теме, слабо изученной в современной историографии. Иссле-

дование этого аспекта французской консервативной мысли XIX в. позволяет лучше понять мировоззрение человека данного столетия, восприятие им внешней политики стран «европейского концерта» и, кроме того, дает возможность проследить те изменения, которые произошли под влиянием национализма во внутренней структуре французского консерватизма.

***Дискуссии о «национальном интересе»
в творчестве французских консерваторов
и либералов эпохи реставрации***

Дискуссии по внешнеполитическим проблемам стали актуальными для французского общества только в последней трети XIX в. после поражения страны во Франко-прусской войне 1870—1871 гг. Тот факт, что после Венского конгресса на протяжении 65 лет внешняя политика мало интересовала французское общественное мнение, можно объяснить исключительно благоприятным положением, которое занимал Париж в «европейском концерте». Отсутствие непосредственной военной опасности на границах, возможность блокирования по тактическим вопросам с той или иной европейской державой, наконец, наличие одной из самых мощных сухопутных армий (в период 1856—1866 гг. Франция была даже близка к установлению военной гегемонии в Европе), — все это позволяло обществу передавать внешнеполитические вопросы исключительно в компетенцию правительства. Тем не менее именно в этот благоприятный для страны период зародились те внешнеполитические архетипы, которым будут следовать философы и публицисты конца XIX — начала XX в.

В XIX столетии внешнеполитические концепции той или иной «партии»* строились не на принципах максимального обеспечения стратегической безопасности (эта задача достаточно успешно решалась в рамках «Венской системы» профессиональными дипломатами), а представляла собой закономерный результат внутренней политики, когда консерваторы стремятся к партнерству с монархическими государствами, а либералы — с национальными демократиями. Подобную «идеологизацию» внешней

* Термин «партия» используется в настоящей работе не в современном его значении как некая структурированная политическая общность, обладающая развитой идеологией и организационной структурой, а в качестве обозначения того или иного направления в общественно-политической жизни XIX в.

политики можно увидеть и в работах французских консерваторов первой трети XIX в.

В эпоху Реставрации Бурбонов широкую популярность получило представление об эволюции Европейской цивилизации как истории перманентной борьбы двух рас — романской и германской. Именно в период 10—20-х гг. XIX в. своеобразным центром идеологической борьбы основных общественно-политических движений (роялистов и сторонников сохранения либеральных завоеваний 1789 г.) становится историография, и это обстоятельство вновь отражает национальный «дух» всего столетия. Каждая «партия» стремится как бы заново переосмыслить историю своей страны и с собственных позиций показать историю формирования нации. Поэтому во Франции историко-политическая полемика имела свою специфику: именно здесь национально-этническая проблема становится доминирующей, обосновывая все проявления общественной борьбы: от социальных столкновений до юридических основ государственного устройства. И первыми, кто обратился к анализу процесса становления французской нации, были консерваторы-роялисты.

В известной работе «Размышления о французской монархии 1 января 1821 года» граф Монлозье оспаривал притязания на власть французской буржуазии на том основании, что она ведет свое происхождение от рабов французских аристократов — галлов, покоренных предками дворян франками⁴. Однако для французского консерватора революция 1789—1799 гг. является «великим социальным преступлением» не только потому, что она покусилась на власть «благородного сословия», имеющего иное этническое происхождение, чем основная масса страны⁵. Борьба различных групп революционеров убедила автора «Размышлений о французской монархии», что приход к власти потомков «галло-римлян» приведет не к «всеобщему благу», но лишь к созданию множества политических партий, каждая из которых будет стремиться к вооруженному захвату власти⁶. В результате, именно преобладание одной социально-этнической группы кажется Монлозье наиболее естественной формой французского государственного устройства.

Более радикальный вариант данной теории создал в 30—40-е гг. XIX в. граф де Гобино, обосновавший теорию превосходства «индоарийский» расы, тесно связанной с германскими племенами средневековья и, прежде всего, с франками⁷. При этом теория Гобино оказала существенное влияние и на развитие национализма в Германии⁸. Однако если оставить в стороне радика-

лизм автора «Трактата о неравенстве человеческих рас», то сама «парадигма Монлозье» представляет большой интерес, поскольку она соединяет в себе две основные социально-политические концепции XIX в.: теорию классовой борьбы и теорию нации как основного государствообразующего элемента. Фактически, «Размышления о французской монархии» можно рассматривать в качестве одной из первых попыток представить историю Франции как этносоциальный процесс и соединить явления социальные и национальные. Кажущаяся раздробленность Франции на два этнических сословия превращается в итоге в особую трактовку «национального интереса», под которым следует понимать стабилизирующее господство дворянства.

Конечно, в XX в. Х. Арендт не без оснований отмечает, что работы Монлозье не отличались оригинальностью, — за сто лет до него сходную теорию выдвинул другой французский аристократ — граф де Буленвиль⁹. В то же время нельзя не отметить, что, испытывая определенное влияние своего предшественника начала XVIII в., французский консерватор предлагает качественно новый подход: *в работах Монлозье взгляд на развитие Франции как на историю борьбы двух рас перестает быть чисто теоретической проблемой, превращаясь в обоснование определенного типа государственного устройства*. Для французского роялиста 20-х гг. XIX в. любой внутренний режим нуждается как в историческом, так и в формально-юридическом обосновании, что свидетельствует о начале формирования теоретических основ политических идеологий.

Безусловно, и Монлозье, и Гобино были ревностными защитниками привилегий аристократии, однако с точки зрения современного исследователя их работы содержат в себе гораздо большее, чем простую политическую полемику. Работа Монлозье — это, во многом, отражение менталитета человека эпохи Реставрации, принадлежащего к определенному политическому лагерю. Негативное и экспрессивное восприятие революции как социального преступления, взгляд на общество как на явление, разделяющееся на сословия, имеющие этническое происхождение, — таков набор «архетипов» мировоззрения французского консерватора начала XIX в. В 1820-е гг. Европа еще только начала структурироваться в качественно новую социально-политическую систему, и для таких авторов, как Монлозье, революция конца XVIII в. по-прежнему была лейтмотивом творчества. Более того, концепция «борьбы рас» как основы национальной истории показывает, что в этот период проходили формирование

понятия «нация», постепенный рост «национального самосознания», тем более, что ей следовали и непримиримые противники консерваторов — либералы.

Теорию автора «Размышления о французской монархии...» во многом воспроизводит в своих работах и его последовательный оппонент Франсуа Гизо. Схема извечного противостояния «народа-победителя» «народу побежденному», между которыми «в наши дни разыгрывается решающая схватка», используется Гизо в его ранней работе «О правительстве Франции со времен Реставрации и о нынешнем министерстве» (1820)¹⁰. И хотя впоследствии он во многом пересмотрел свой взгляд на французскую историю, в более поздней работе «История цивилизации в Европе» вся феодальная система по-прежнему описывается им как противостояние двух цивилизационных элементов — «варварского» и «галло-римского»¹¹, что, безусловно, несет на себе отпечаток концепции «борьбы рас».

Еще более последовательно теорию «борьбы рас» воспроизводит другой идеолог либерального лагеря — Огюстен Тьерри. Историки XX в. прямо указывают на то обстоятельство, что «историческую концепцию Монлозье о происхождении французского дворянства от «расы победителей» — франков, а третьего сословия — от «расы побежденных» — галлов, Тьерри развил в теорию двух рас и двух наций, продолжающих жить бок о бок на почве Франции, но повернул эту теорию против дворянства»¹². Таким образом, расходясь с Монлозье в оценке дворянства, либералы Гизо и Тьерри полностью разделяли его схему французской истории как борьбу двух этносоциальных групп. *И либералы, и консерваторы первой трети XIX в. еще не проводили четкой границы между социальными и этническими процессами, поскольку представители обоих политических течений были современниками только формирующегося, а не сформировавшегося национального государства**.

Конечно, описание процесса формирования нации автором «Истории цивилизации в Европе» отличается от описания того же

* В вопросе о критериях завершенности формирования национального государства автор статьи придерживается точки зрения А. Дебидура, связывавшего «национальное государство» со способностью четко формулировать программу национальной экспансии и вести «войны за национальные интересы». Согласно такому подходу, завершение формирования национальных государств в Европе приходится на период 1848—1871 гг. (от европейских революций 1848 г. до образования Германской империи).

процесса автором «Размышлений о французской монархии». Для консерватора-роялиста Монлозье существует только *одна* правовая форма государственного устройства (сословно-этническая), в то время как либерал Гизо представляет всю историю европейской цивилизации в виде поступательного восхождения принципов правового государства *через ряд промежуточных этапов*. Это различие, однако, не влияет на концептуальную основу обеих работ. Продолжая линию Монлозье, французский либерал видит в государстве путь к сотрудничеству двух исторических этносов, поскольку для него, как для человека своего времени, Реставрация Бурбонов была не реставрацией XVIII в., но конституционной формой правления, реализующей популярный с 1799 г. политический лозунг «ни красных колпаков, ни красных каблучков» (его смысл можно расшифровать словами: «Ни якобинцев, ни ультрароялистов»). Таким образом, чисто историческая теория «борьбы рас» стала основой и либеральной, и консервативной теории государства, и, следовательно, понимание «национального интереса» и внешнеполитических приоритетов строилось той и другой «партией» на основе одной концепции.

На первый взгляд, экскурс в область этно-юридических концепций не связан напрямую с внешнеполитическими программами французских политиков. Можно лишь отметить, что и для роялистов, и для их оппонентов было характерно недостаточное внимание к внешнеполитическим проблемам, а этно-социальные процессы интересовали их, прежде всего, как база для выработки внутривнутриполитических программ. Вместе с тем именно в ходе идеологической борьбы консерваторов и либералов в период Реставрации во Франции зародились два основных внешнеполитических подхода.

1. *Германофильский*, тесно связанный с аристократическим консерватизмом. Его программой было восстановление аристократического режима внутри страны, в сфере же внешней политики для его сторонников характерны симпатии к монархическим государствам — Австрии и Пруссии.

2. *Антигерманский*, связанный с либеральной традицией французской общественной мысли. В рамках этой тенденции Австрия и Пруссия выступали уже не как союзники, а как носители консервативно-монархического начала и, следовательно, как антиподы свободной Франции.

В дальнейшем эти два основных стереотипа восприятия европейской ситуации станут доминирующими во французском обществе при оценке внешнеполитической ситуации. Конечно, по-

следствия поражения во Франко-прусской войне оказали значительное влияние на французских консерваторов рубежа XIX—XX вв., однако стереотип восприятия ими германской политики восходил к общеевропейской теории «борьбы рас» Монлозье, Гизо и Тьерри. Поэтому, когда консерватор М. Баррес, описывая войну 1870 г., укажет, что «*на вечных полях битве* [курсив мой. — А. Ф.] Эльзаса галло-римский заслон случайно уступил»¹³ натиску германизма, он выступит только как наследник Гизо и Тьерри, утверждавших приоритет «галльского» начала в истории Франции. Очевидно, к концу XIX в. «германофильская» линия в силу объективных причин постепенно исчезла из французской общественно-политической мысли: внутривнутриполитическая полемика слилась в единое целое с геополитическими мотивами.

От идеологии к геополитике: внешнеполитические проекты французских консерваторов конца XIX — начала XX в.

Пробуждение интереса к внешней политике во французском обществе конца XIX — начала XX в. объясняется не только поражением Франции в войне 1870 г., но и особым «духом эпохи»: ведущие государства Европы готовились к глобальной войне. Любой общественно-политический деятель этого времени ощущал распад старой системы европейской стабильности, когда пять «великих держав» уравнивали мощь друг друга, а всякая коалиция считалась заведомо сильнее государства. Эта система постепенно уходила в прошлое, и, как следствие, возрастала военно-политическая непредсказуемость. Поэтому в оценке французскими консерваторами общеевропейской ситуации можно выявить ряд архетипов (в данном контексте — устойчивых стереотипов), которые возникли под влиянием произошедших на Европейском континенте после 1871 г. геополитических сдвигов.

Безусловно, французские консерваторы конца XIX в. сохраняли преемственность по отношению к своим предшественникам эпохи Реставрации, поскольку именно германская тематика воспринималась ими как своеобразная доминанта внешней политики Франции. Например, известный консервативный мыслитель Гюстав Лебон, относящийся резко негативно к подъему социализма, со свойственной для французского современника франко-германских «военных тревог» неприязнью к Берлину указывал, что «развитие его [социализма] не могло не нравиться правительственным сферам такой страны, как современная Пруссия, где все подчинено начальству и поставлено в строй». Поэтому, продолжал он, «Германия в настоящее время есть главный центр

самовластия, и можно опасаться, что вскоре в этой стране не будет никакой свободы»¹⁴. Таким образом, Франко-прусская война стала катализатором поворота идеологов консерватизма к конкретной геополитике, однако их геополитические программы в своеобразной форме отражают те стереотипы мышления, которые зародились еще в период Реставрации.

Вместе с тем было бы некорректно утверждать, что поражение 1870 г. привело к тому, что в своих внешнеполитических проектах французские консерваторы выступили своеобразными наследниками либералов 1820-х гг. Такая трактовка была бы предельным упрощением истории общественной мысли Франции. На самом деле, французские консерваторы рубежа XIX—XX вв., оставаясь детьми своего времени и улавливая его атмосферу, восприняли ряд традиционных внешнеполитических архетипов, характерных для французской общественной мысли с времен Реставрации. В этом отношении в их работах можно выделить три устойчивые тенденции.

Во-первых, в творчестве французских консерваторов конца XIX в. фактически полностью исчезает представление о внутреннем единстве Западной цивилизации. Уже в концепции Лебона Запад предстает как система трех «рас», образующих три потенциально враждебные цивилизации — Англосаксонскую (США и Великобритания), Латинскую (Франция, Италия и Испания) и Германскую (Германия и Австро-Венгрия). Поэтому основные разделы «Психологии народов и масс» и «Психологии социализма» озаглавлены как «Психология народов латинской (англосаксонской или германской) расы», а само понятие «историческая раса», заменяющее в данной системе расу «антропологическую», чрезвычайно близко современному общепринятому определению «нации». Еще более показателен в этом отношении путь творческой эволюции другого французского консерватора рубежа XIX—XX вв. — Мориса Барреса. Убежденный сторонник европейского единства, который еще в 1885 г. рассматривал европейскую культуру как «гармоничный ансамбль» Англии, Франции и Германии¹⁵, он спустя всего несколько десятилетий превращается в одного из «отцов-основателей» идеологии националистического движения «Французское дело», («Action française»), поскольку его определение национализма как «связной системы идей и чувств»¹⁶ делает в принципе невозможным какое-либо межнациональное объединение. Очевидно, в конце XIX в. французские консерваторы уловили важную тенденцию своей эпохи — отказ от универсальных проектов Просвещения и возвышение

национальных государств, постепенно превращающихся в полумперские образования.

Во-вторых, для французского консерватизма рубежа XIX—XX вв. характерен поиск неких «естественных пределов» геополитических интересов своей страны. Повышение общего интереса к геополитике можно объяснить не только поражением в войне 1870 г. и ростом популярности идей «реванша». Поиск «естественных рубежей» — это логический итог размышлений Лебона и Барреса о природе «нации» («расы»), понимаемой как некое иррациональное кровнородственное «поле». Где заканчивается одно «поле» и начинается другое? Здесь французские консерваторы времен Третьей Республики выступили продолжателями Токвиля и Тэна, видевших в традициях основу государственного устройства¹⁷.

Особого внимания в этом отношении заслуживает «политический роман» М. Барреса «Вдохновенный холм», написанный непосредственно накануне первой мировой войны (1912 г.). Логически он строго разделен на три части: первую (гл. I), показывающую значение Лотарингии для Франции, вторую (гл. II—XVII), в романтической форме рассказывающую историю лотарингского герцогского дома, и третью (с гл. XVIII), посвященную значению Франко-прусской войны. Известно, что еще в своем раннем произведении «Свободный человек» (1889) Баррес указывал, что его родная провинция отдала Парижу свою государственность в обмен на «тихое счастье и защиту»¹⁸, однако именно в произведении 1912 г. он отводит Эльзасу и Лотарингии роль восточного форпоста Франции, который «случайно» рухнул во время войны 1870 г.¹⁹ Позднее (уже в годы первой мировой войны) французский консерватор достаточно четко наметит предел геополитического влияния Франции — левый берег Рейна, что полностью согласуется с характерным для XIX в. стремлением распространить «сферу эффективного контроля» того или иного государства до неких «естественных границ»²⁰.

Наконец, в-третьих, для французского консерватизма рубежа XIX—XX вв. характерно ощущение неизбежности в ближайшем будущем общеевропейского вооруженного конфликта. Безусловно, унижительное поражение во Франко-прусской войне создавало в стране благоприятную почву для распространения идей реванша. В этом отношении показательны рассуждения Барреса в 1914 г. о том, что «в течение сорока четырех лет мы были побежденными», или его описание вывода немецких войск из Лотарингии

А. В. Фененко. «Классический национализм» и внешнеполитические взгляды в 1873 г. как первой надежды на будущий реванш²¹. Однако предвоенная атмосфера Европы начала XX в. значительно отличалась от простого реваншизма, служившего причиной многих войн предшествующего века.

Примечательно, что в работе Лебона «Психология социализма», за исключением фразы об усилении вооруженной борьбы на Востоке²² (книга написана в 1896—1898 гг., т.е. в период кризиса на Дальнем Востоке), чрезвычайно трудно найти какие-либо указания на возможность немедленного военного столкновения в Европе. Но автор постоянно рассматривает внешнеполитические проблемы в контексте проблемы социализма. Продолжая традиции Токвиля, он считает главной причиной упадка Франции постоянное усиление роли государства, которое постепенно уничтожает частную инициативу — основу экономического процветания Великобритании и США. Однако, подчеркивает он, частную инициативу уничтожила и Германия, но сделала это иным путем — введением всеобщей воинской повинности, в результате чего «в течение одного века суровый прусский военный режим преобразовал Германию и сделал ее изумительно способной воспринять государственный социализм»²³. Между тем на той же странице Лебон говорит, что именно военный режим наиболее близок к социалистическому идеалу, и милитаризованная Германия способна перевернуть всю систему европейских отношений.

Многое из того, что беспокоило Лебона, можно обнаружить и в произведениях его младшего современника Барреса. В 1918 г. — на исходе первой мировой войны — он делает пометку в своей тетради: «Мы боремся, чтобы помешать Германии воплотить в жизнь планы, которые она в течение долгого времени обдумывала и готовила, с помощью которых она хотела завоевать мировое господство. Мы боремся, чтобы отбросить агрессора и чтобы помешать ему, мы очень надеемся на невозможность повторения подобного»²⁴. Безусловно, в этих словах есть немалая доля ура-патриотической пропаганды того времени, однако в них присутствует и другое — страх человека XIX в. перед радикальным изменением политической карты Европы. Баррес был гражданином страны, которая в первой мировой войне боролась не за военный передел Европы, а лишь за воплощение в жизнь классической внешнеполитической программы XIX в. (возвращение территорий и ослабление соперника), и в этой программе ощущается определенная ностальгия по тому периоду стабильности, когда Франция занимала одно из первых мест в европейской политике и фактически не сталкивалась с внешней угрозой.

Конечно, внешнеполитическая программа Барреса была гораздо радикальнее анализа Лебона. Автор «Вдохновенного холма» видел в подъеме Германии гораздо большую угрозу для своей страны, чем автор «Психологии социализма», хотя и считал подобной угрозой именно немецкие социалистические течения, которые в перспективе могут соединиться с милитаризмом Шлиффена и Вильгельма II²⁵. Кроме того, Баррес не рассматривал англосаксонские страны как долгосрочных союзников Франции: в его концепции Париж может рассчитывать только на собственные силы. В отличие от Лебона, Баррес не видел в подъеме массового общества реальной угрозы для цивилизации. Само определение национальной идеи как относительно связанной системы идей и чувств подчеркивает ее опору на массы, поэтому Баррес, в противоположность Лебону, писал: «Человеческий разум скован тем обстоятельством, что мы проходим по следам других, след в след»²⁶. Франция, подытоживает он, может добиться успеха только на пути массового национализма, переняв немецкую способность к консолидации общества.

Вместе с тем и Лебон, и Баррес сходятся в одном важном пункте: они не приемлют возникновения нового, «имперского» типа национализма, выступающего за трансформацию национального государства в империю. Подобное изменение националистической доктрины видится им как путь к общеевропейской дестабилизации и тотальной войне. *Таким образом, «политический стереотип» «расовой борьбы» в Европе, господствовавший в историографии периода Реставрации, находит свое выражение в геополитических проектах конца XIX в. «Германизм», связываемый современниками Гизо и Монлозье с аристократическим режимом и монархией Бурбонов, трансформировался в качественно новый тип национализма, угрожающий всем традиционным основам европейского порядка. В сознании французских консерваторов Европа уже после Франко-прусской войны начала строго разделяться на два военно-политических блока, имеющих под собой идеологическую основу.*

В связи с этим большой интерес представляет концепция современного российского геополитика В. Л. Цымбурского, согласно которому Западная Европа как особая цивилизация переживает так называемые столетидесятилетние «сверхдлинные военные циклы», каждый из которых делится на три периода: «инициаль», «медиаль» и «финаль»²⁷. Если «депрессивный» цикл середины XVII—XVIII в. предполагал решение глобальных задач локальными войнами, «изошренными перегруппировками коали-

ций» и считал эталоном победы удачную для победителя сделку (финал Северной или Семилетней войны), то наступивший в 1792 г. «экспансивный» цикл предполагает в «инициали» создание эталона победы как уничтожения противника, гонку вооружений и возникновение проектов переустройства Европы в «медиали» и, наконец, глобальную войну в «финали» (первая и вторая мировые войны). Конечно, некоторые положения концепции Цымбургского можно считать спорными, однако изучение «милитаризма» как особого феномена общественной жизни показывает корректность этой теории по отношению к европейской истории Нового и Новейшего времени. Анализ Цымбургского достаточно верно передает «дух» кануна первой мировой войны — постепенный рост популярности теорий, связывающих будущее Европы с глобальным межгосударственным вооруженным конфликтом двух военно-политических блоков. Работы российского геополитика позволяют предположить, что повышение значения «милитаризма» во внешнеполитической жизни Европы привело к трансформации старых идеологических архетипов теории «борьбы рас» в качественно новые геополитические проекты, которые передают как реваншистские настроения значительной части французского общества рубежа XIX—XX вв., так и ощущение повышения значения «силового фактора» в межгосударственных отношениях кануна первой мировой войны.

Феномен «милитаризма» и его влияние на внешнеполитические концепции французских консерваторов

Феномен «милитаризма» до настоящего времени остается едва ли не самым загадочным понятием социальных наук, поскольку большинство попыток его объяснения сводились лишь к эмоциональным замечаниям о «реварваризации общества» или «наращивании военной мощи эксплуататорского государства в целях подготовки захватнических войн»²⁸. Более перспективный подход был намечен немецким военным мыслителем К. фон Клаузевицем, указывавшем, что «война есть столкновение значительных интересов, которое завершается кровопролитием», а политика — «то лоно, в котором развивается война»²⁹. Подход Клаузевица предполагает, что основы войны заложены в общественном сознании, находящем свое выражение в политике конкретных государств. Вследствие этого милитаризм XIX в. следует воспринимать, прежде всего, как особую идеологию, которая зарождалась в общественно-политической мысли и влияла на внешнюю политику европейских государств.

Исследование феномена «милитаризма» может показать конкретный механизм перенесения французскими консерваторами идеологических архетипов периода Реставрации на геополитический анализ европейской ситуации. После Франко-прусской войны, Парижской коммуны и перманентных франко-германских «военных тревог» во французском обществе все более укреплялось мнение, что страна переживает общий внутренний кризис. Поэтому, как отмечают современные исследователи, консерваторам конца XIX в. нужно было показать, «что революция не неизбежна и что Франция могла справиться с силами и сама определить собственную судьбу»³⁰. Однако этот процесс совпал с постоянным повышением значения «силового фактора» в межгосударственных отношениях в Европе и, следовательно, с постепенным подъемом милитаризма. В результате принципы внутривнутриполитической борьбы 20-х гг. неизбежно переносились во внешнюю политику, а в связи с этим подъем милитаризма находил свое выражение в постепенной милитаризации этих принципов.

Анализируя работы французских консерваторов, нельзя не отметить то обстоятельство, что их идеология изначально не была враждебной возникающему националистическому движению. Конечно, один из ведущих исследователей национализма Х. Арендт справедливо обращает внимание на тот факт, что единственными сторонниками сохранения самобытности всех национальных групп во Франции были консервативные писатели типа Ж. де Местра, так как для них сам «дух» революционных декретов об уничтожении всех сословий и мелких народностей внутри единой нации казался гибелью привычной политической системы³¹. Тем не менее проблема «малых народов» была, безусловно, лишь частным вопросом, в действительности консерватизм изначально противопоставил себя универсализму Просвещения. Так, уже в 1797 г. тот же Жозеф де Местр с иронией писал: «В своей жизни мне доводилось видеть Французов, Итальянцев, Русских и т.д.; я знаю даже, благодаря Монтескье, что можно быть Персиянином; но касательно общечеловека я заявляю, что не встречал такого в своей жизни; если он и существует, то мне об это неизвестно»³². Таким образом, еще на исходе XVIII в. французский консерватор заявил о своей поддержке националистических движений Европы в противовес любым проектам ее объединения.

В последней трети XIX в. начался новый этап осмысления французскими консерваторами понятий «нация» и «национальный интерес». В отличие от концепций Токвиля и Тэна, в

которых приоритет отводится понятию «традиция», «правые» периода Третьей Республики совершили окончательный переход к пониманию национализма как исключительно «массового» феномена. Прежде всего, этот переход нашел свое выражение в работах Гюстава Лебона, которого современный французский исследователь С. Московичи называет «Макиавелли массового общества»³³. Именно Лебон стал создателем новой теории понимания *нации как расы*, соединяющей в единое целое дух революционных декретов 1789—1793 гг., антропологизм Гобино и тэновское понимание традиции как особого «культурного фонда» нации, ее своеобразной основы. Для французского мыслителя поведение любого человека определяется двумя категориями: «представлениями врожденными», которые «составляют наследство расы, завещанное отдельными или ближайшими предками», и «представлениями приобретенными», «которые человек приобретает под влиянием среды или воспитания»³⁴. В результате Лебон полностью отвергает теоретические основы индивидуализма XIX в. — в его теории над любой личностью довлеют такие силы, как «наследство предков», т.е. «наследство расы». «Когда люди, — отмечает он, — собираются для обсуждения политических, религиозных или нравственных вопросов, это рассуждают уже не живые, а мертвые. Это души предков говорят их устами, и их речи тогда — лишь эхо того вечного голоса живых, которому всегда внимают живые»³⁵.

Таким образом, «раса» Лебона выступает как исключительно биологическое понятие, особая общность, объединенная наличием общих предков, т.е. кровным родством. В дальнейшем основные положения теории автора «Психологии народов и рас» развил Морис Баррес.

Уже в 1907 г. автор «Вдохновенного холма» приходит к пониманию религии как неотъемлемой части национального мировоззрения. «Католицизм, — отмечает он, — это памятник и черта моей расы, бессмертная завершенная поэма, с которой я созвучен и без которой не могу представить свою жизнь»³⁶. С началом первой мировой войны эта тенденция к соединению национализма с религиозной идеологией становится доминантой барресовского творчества. «Мы переживаем религиозный ренессанс. Наши эмоции нашли свое воплощение в католической форме»³⁷, — отмечает он уже в 1915 г. Вместе с тем это кажущееся соединение двух граней барресовской идеологии — ультрамонтанства (слияние церкви с государством) и национализма — оборачивается фактическим растворением первого во втором.

«Каждого из нас, — отмечает французский консерватор спустя год, — в нашей деревне, в нашем мирке мы определяли как католика, протестанта, социалиста или еврея. Внезапно высшие обстоятельства соединили нас в единое целое. Французы! Мы — большая река Франции, грозящая устремиться в гигантский поток национальных усилий, вдохновенных страданий. Именно этот поток составляет сегодня нашу жизнь!»³⁸. Иначе говоря, в 1916 г. Баррес пришел к выводу, что именно война за «национальную идею» способствует консолидации нации. Эта национальная идея представляет собой своеобразный синтез полулиберального и консервативного мировоззрения XIX в., когда революционная теория «нации» и консервативная идея «единства» на основе традиционных религиозных ценностей сливаются в единое целое.

Окончательно все точки над «i» французский консерватор расставил в 1919 г., во время работы Версальской мирной конференции. «Военный патриотизм, — пишет он, — создал священное единство. Сегодня патриотизм мирного времени повелевает нам, чтобы мы приблизились, насколько это возможно, к такому же состоянию единства. Франция не может держаться только на силе оружия — нужно, чтобы она обрела свое равновесие и силы для национального возрождения»³⁹. Таким образом, во французском консерватизме рубежа веков идеология «справедливой войны» постепенно заменила понимание нации как совокупности людей с некими общими родственными корнями и традициями на некую массовую общность с общей «связной системой идей и чувств».

Анализ внешнеполитических программ французских консерваторов XIX — начала XX вв. позволяет сделать вывод, что в течение всего XIX столетия «милитаризм» как феномен общественно-политической жизни постепенно выдвигался на одно из первых мест в идеологиях своего времени. Для Монлозье внешняя политика не была актуальной, так как в 20-е гг. XIX в. казалось, что порядок «Священного Союза» навсегда избавляет Европу от повторения наполеоновских войн. Для Токвиля в 1830-е гг. уже казалась возможной ограниченная «морская война» между европейскими странами и США⁴⁰. Для Лебона распад Европы на «нации-расы» с иррациональной кровнородственной основой виделся как неизбежный этап на пути ее дальнейшей милитаризации. Наконец, для Барреса только возможность защищать свою страну с оружием в руках от экспансии «германизма» представлялась единственным условием сохранения нации как единого

целого. Очевидно, эти вехи развития французского консерватизма передают не только постепенное повышение роли «милитаризма», но и распад всей системы европейской стабильности. Последний нашел свое выражение как в процессе формирования долгосрочных союзов, так и в превращении национальных государств в «полуимперии», претендующие на европейское господство. Поскольку же именно Франко-прусская война и образование в ее результате Германской империи стали теми факторами, которые ускорили этот процесс, то представляется закономерным возрождение на исходе XIX в. старой концепции «борьбы рас». В итоге зародившиеся в период Реставрации стереотипы постоянного исторического противостояния «франков-германцев» и «галло-римлян» казались в период франко-германских «военных тревог» «злостью дня».

Вместе с тем постепенный подъем милитаризма и переход к пониманию нации как «массового феномена» неизбежно разрушал принципы классического национализма XIX в. На смену принципу совпадения территории государства с территорией одной нации и приходила программа военного переустройства Европы, и, как следствие, утверждался принцип долгосрочных коалиций. Французские консерваторы осознавали этот процесс, и уже в последние годы XIX в. Лебон с тревогой писал, что внутренняя борьба между западными государствами ослабляет сам Запад в его начинающейся борьбе с Востоком⁴¹. В еще большей степени ощущение распада европейской стабильности и, как следствие, гибели «классического национализма» XIX столетия ощущается в работах Барреса. Его знаменитое высказывание «я присутствовал при крещении национализма, я присутствую и на его похоронах»⁴² показывает, что французский консерватор предчувствовал конец целой эпохи европейской истории — эпохи политики национальных государств, основанной на принципах «баланса сил». Поэтому подъем национализма стал тем явлением, которое, зародившись в недрах «классического национализма», привело к его распаду.

Подводя итоги, отметим, что французские консерваторы в своих внешнеполитических программах подобно большинству политиков и общественных деятелей своего времени сохраняли верность принципам национализма XIX в. «Мой национализм был способом заботы о национальных интересах государства», — писал Баррес в 1902 г.⁴³, подчеркивая, что, как и во времена Наполеона III, его национализм вторичен, он является только средством для удовлетворения конкретных государственных инте-

ресов. Однако в первой половине нового XX столетия национализм перестанет быть простым «способом заботы о национальных интересах государства», он превратится в самостоятельную политическую доктрину, во многом определяющую государственную политику. Поэтому национализм французских консерваторов и понимание ими места Франции в европейской политике стали лишь борьбой за сохранение уходящей в прошлое общеевропейской стабильности, понимаемой как сохранение равновесия между ведущими державами Европы. Анализ взаимосвязи «классического национализма» XIX в. с внешнеполитическими проектами французских консерваторов позволяет расширить не только понимание путей эволюции национализма периода от Венского конгресса до первой мировой войны, но и представления о том, как современники этих процессов воспринимали происходящие перемены.

¹ См.: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814—1878. М., 1995. Т. II. С. 489—496.

² *Le petit Larousse illustré.* Paris, 1996. P. 690.

³ *Валлерстайн И.* Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или к объяснению истории современности // Полис. 1997. № 2. С. 6.

⁴ *De la Monarchie française au 1er Janvier 1821*, par M. le comte de Montlosier. Paris, 1824. P. 113, 164.

⁵ *Ibid* P. 179.

⁶ *Ibid*. P. 61—61.

⁷ См.: *Gobineau I. A. De.* Essai sur l'origine des Races Humaines. Paris, 1853—1855. 4 vols.

⁸ Подробнее см.: *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1996. С. 81.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ *Guizot F.* Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. Paris, 1820. P. 1—2.

¹¹ *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб., 1905. С. 34, 41—42, 71, 81, 287—288.

¹² История Франции / Под ред. А. З. Манфреда. М., 1973. Т. II. С. 200.

¹³ *Barrus M.* La colline inspirée. Paris, 1964. P. 208.

¹⁴ *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1995. С. 144—145.

¹⁵ См.: *Sternhell Z.* Maurice Barrus et le nationalisme français. Bruxelles, 1985. P. 31.

¹⁶ *Le Figaro.* 1892. 4 juillet.

¹⁷ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000. С. 43; *Тэн И.* Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. I. С. 146—148.

¹⁸ *Barrus M.* Le culte du Moi. Paris, 1969. P. 133.

¹⁹ *Barrus M.* La colline inspirée. Paris, 1964. P. 208.

²⁰ *Barrus M.* Mes cahiers: 1896—1923. Paris, 1994. P. 807.

²¹ *Barrus M.* Mes cahiers. P. 740; *Idem.* La colline inspirée. P. 214.

²² См.: *Лебон Г.* Указ. соч. С. 278.

- ²³ Там же. С. 143.
- ²⁴ *Barris M.* Mes cahiers: 1896—1923. P. 792.
- ²⁵ *Ibid.* P. 258, 668—669, 925, 1008.
- ²⁶ *Ibid.* P. 77.
- ²⁷ См.: *Цымбурский В. Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // *Полис.* 1996. № 3.
- ²⁸ *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., С. 401; *Советский энциклопедический словарь.* М., 1981. С. 814.
- ²⁹ *Клаузевиц К. фон.* О войне. М., 1997. С. 147.
- ³⁰ *Московичи С.* Век толп. М., 1998. С. 81.
- ³¹ См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 91; 45.
- ³² *Местр. Ж. де.* Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 88.
- ³³ *Московичи С.* Указ. соч. С. 85.
- ³⁴ *Лебон Г.* Указ. соч. С. 93.
- ³⁵ Там же. С. 99.
- ³⁶ *Barris M.* Mes cahiers. P. 387.
- ³⁷ *Ibid.* P. 751.
- ³⁸ *Ibid.* P. 755.
- ³⁹ *Ibid.* P. 842.
- ⁴⁰ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000. С. 310.
- ⁴¹ *Лебон Г.* Указ. соч. С. 267—286.
- ⁴² *Dupré G.* L' Autre Barris // *Barris M.* Mes cahiers: 1896—1923. Paris, 1994. P. IX.
- ⁴³ *Barris M.* Mes cahiers. P. 211.